

Олег Губарь

Интеллектуальное оскудение Одессы или скудоумие критиков?

Ежегодно осенью провожу месяц в лесах Винницкой области, как принято говорить, вдали от шума городского. Опыт показал, что обширные вырубки не менее привлекательны, нежели чащоба – как говорят здешние, «корчи». Тут хорош и разнообразен гриб, часто можно наблюдать косуль, оленей и прочую экзотическую живность. Оказывается, вырубки отдыхают, словно поля под паром, причем довольно долго, а затем на них высаживают молодой лес.

Метафора, несмотря на незатейливость, вполне применима к определенным этапам становления и эволюции Одессы. Только не надо мне рассказывать, будто таланты вызревают тут беспочвенно, ни с того ни сего, мистически. Потому что наработанная годами эрудиция позволяет мне видеть физиономический расклад практически любого хронологического среза биографии города. И если кто-либо хочет со мной поспорить, пускай подаст голос и расскажет о выдающихся одесситах по рождению на протяжении первых десятилетий ее истории. Даже не пытайтесь: зубы обломаете.

Правда заключается в том, что в юную Одессу масштабно инвестировали, причем не только материально, но и гуманитарно. Все очень просто: без серьезных вложений не получишь достойного результата. Перефразируя: сперва ты работаешь на авторитет, чтобы впоследствии он пахал на тебя.

По этой причине в «одесский проект» вколотили колоссальные ресурсы. Реестр разноплановых талантов, оставивших отпечаток в его реализации, более чем обширен: финансисты, политики, военачальники, фортификаторы, администраторы, пред-

ставители творческих профессий, просто неординарные и яркие (по Л.Н. Гумилеву, пассионарные) личности, включая авантюристов. Приток талантов отмечен с первых шагов градоустройства, все более нарастая в 1800-1840-е годы. Этому способствовал статус Одессы как резиденции генерал-губернатора огромного региона, соразмерного с крупными европейскими державами, и изначально – ряд льгот, дарованных городу при самом его основании, а впоследствии высочайше подтвержденных.

Не стану углубляться в бухгалтерские исторические подробности, а лишь обращаю внимание читателя на некоторые конкретные фигуры, интеллектуально, творчески подпитывавшие юную Одессу. Это представители двух категорий: лица, входившие в административный штат, включая военных и дипломатов, и коммерсанты – не только российские и зарубежные негоданты, но и землевладельцы, производители предназначенной на экспорт сельхозпродукции. В ранней палитре одесского общества помимо феноменального де Ришелье, а далее де Ланжерона и графа Гурьева, видим братьев графов Рошешуар, графа Растиньяка, графа Сен-При, графа Венансона, маркиза де Кастиельно, барона Миллера фон Рефенштейна, князя Мещерского, князя Кантакузина, князя Жевахова, графа Разумовского, графа Эстергази, графиню Потоцкую, графа Браницкого, графиню Маргоцкую, графа Мощинского, графа Шереметьева, барона Штиглица, генералов Волконского, Кобле, Ферстера, Хитрово, иностранных консулов фон Тома, де Кастильо, Гульельмучи, Джеймса, представителей известных семейств Шемиотов, Савоини, Аркудинских, Трегубовых, Кирьяковых, Акацатовых, Курдимановых, Скаржинских, Дембровских, Бларамбергов, Россет, Сикаров, Рено, Ризничей и т. д. и т. п. Беспремерная плотность в едва народившемся городке!

Приток инвесторов и специалистов со всех концов Европы предопределил формирование привычной для них инфраструктуры – не только коммерческой (старейшая биржа, первый в России коммерческий суд, кредитно-банковские учреждения, в том числе страховые общества и тематические СМИ, типография, коммерческая гимназия), но и бытовой. Скажем, выходцам из Леванта, Анатолии, Средиземноморья понадобились не только кофейни, бани, купальни, но и театр, казино, цивилизованная ин-

дустрия развлечений, что обусловило, например, появление итальянской оперы и в целом распространение музыкальной культуры даже среди простонародья. Отсюда и традиционная для Одессы превосходная итальянская струнная школа. Здесь стартовала пресса – сначала в виде так называемых «биржевых листков».

Воронцов застал уже довольно процветающий город, интеллектуальный, творческий потенциал которого сильно повысил набранный им штат и стекавшиеся энергичные аристократы, купцы, разночинцы, простые искатели счастья. Довольно вспомнить такого гениального российского дипломата, каким стал «выкормыш» Воронцова, барон Бруннов, к слову редактировавший «Одесский вестник», или его протеже Закревский, будущий сенатор. Под его покровительством в разные годы перебивали поэты, писатели, зодчие, ученые-энциклопедисты Туманский, Подолинский, Тепляков, Морозов, де Рибас (сын Феликса), Боффо, Стемпковский, Гаюи, Гагемейстер, Андреевский, Монтандон и многие-многие другие. Да и Пушкин едва ли пострадал от переезда в Михайловское, где гениально потрудился во славу российской словесности. Так или иначе, но именно Воронцов согласился принять поэта в штат, и без этой санкции не было бы ни соответствующих одесских знакомств и впечатлений, ни «одесской главы» «Онегина», ни ряда значимых текстов, связанных с Одессой.

В эпоху Воронцова гуманитарное инвестирование города продолжалось с нарастающим успехом: военные и гражданские инженеры, медики, архитекторы, музыканты, актеры, живописцы, скульпторы, литераторы: от Стурдзы и Гросса до Айвазовского и Моранди. Тогда, между прочим, были изданы первые местные литературные и научные альманахи, а «Одесский вестник» параллельно выходил на русском и на французском. Чуть позже одесские банкиры открыли свои представительства в Вене и Париже, их связали родственные узы со всеми крупнейшими мировыми финансистами, включая барона Ротшильда и фон Гирша.

Были ли в числе этих инвесторов одесситы по рождению? Попробуйте припомнить хотя бы два-три имени... Чтобы получить хороший результат, надо терпеливо и долго вкладывать. В Одессе ожидание всходов растянулось на многие десятилетия. Лет сто мы не имели своих виртуозов, пора которых пришла не скоро. Но

дождались. Теперь принято говорить об одесских школах: скрипичной, вокальной, живописной, литературной, офтальмологической, микробиологической, агрономической и прочее. Имена – смотри в энциклопедиях.

И где же все они, эти наши родные таланты? Волна за волной укатывали – когда в ближнее, а когда и в дальнее зарубежье, что вполне объяснимо. С миру по сосенке – пустошь, вырубка. Одесса давным-давно не административный и коммерческий центр огромной территории, способный задавать тон не то что в Средиземноморье, но даже в своем отечестве, да и реализовать себя, состояться в провинции по большому счету крайне затруднительно. Нет, да и не может быть у нас меценатов уровня Ришелье и Воронцова. Одессу по-хорошему не инвестировали со времен военного коммунизма, а она, бедняжка, все плодоносила и плодоносила на проценты от архаических вложений, истощаясь и хирея. Куда, черт возьми, устремлялась вся советская интеллектуальная элита «на заправку», как не в Одессу и Тбилиси... Мы точно на вырубке, где, конечно, кое-где проклевываются отдельные грибы и ягоды, но в основном наблюдаются настырные кабаны – забегают в корнях нахально покопаться да подкормиться побыстрому. Временщики...

Нет, я могу войти в положение критиков из соперничающих процветающих городов – тут хотя бы политкорректно. Трудно понять бывших одесситов (хотя и утверждают, будто бывших одесситов не бывает), со спекулятивным высокомерием рассуждающих о падении интеллектуального уровня Одессы. Мы, оставшиеся (и уехавшие, но оставившие сердце), разумеется, стараемся хоть лопнуть, но держать фасон. Ничего другого нам, патриотам маминым («терпеть ненавижу» слово *патриот*), просто не остается. Так, делаем кое-что посильное. Отреставрирован Оперный, на выходе «Большая Московская». Построен новый стадион. Установлен памятник Бабелю. Продолжаются ежегодные международные фестивали: театральные, джазовые, музыкальные («Два дня и две ночи» и др.), литературные. Выходят книги, журналы, альманахи – случается, хорошие, а в целом хорошие и разные. Что имеем... (У вас лучше – так присылайте, не шифруйтесь.) Бьемся над созданием мемориала на территории Старо-

го городского кладбища, где покоятся первые одесситы, прошедшие огонь, воду, безводье, чуму, холеру, геноцид. Все-таки движется что-то, изменяется к лучшему, хотя многие потери невозполнимы. Даже если высадили на вырубке молодняк, так деревца не скоро поднимутся.

Проходит в Одессе уже несколько лет турнир поэтов «Пушкинская осень в Одессе». И вот в 2011 году перед началом турнира его организаторами на Дерибасовской был открыт мемориальный знак Левушке Пушкину, брату поэта, работавшему на одесской таможне, долго жившему и похороненному в Одессе. Знак выполнен одесским скульптором Климом Степановым.

На очереди памятные знаки работы ряда одесских скульпторов, связанные с пребыванием в Одессе Александра Сергеевича Пушкина. Так будет начинаться отныне каждый турнир поэтов «пушкинской осенью».

И все это инвестиции в Одессу, в ее культуру, лепта в копилку будущего.

